

Дарвинизм в советской философии*

Михаил Викторович Лапшин

Независимый исследователь

Вниманию читателей предлагается историко-философское исследование, посвященное противоречивому и незавершенному процессу интеграции теории Ч. Дарвина в советскую философию. Ф. Энгельс и К. Маркс, высоко оценившие вклад Дарвина в науку, понимали его теорию весьма нестандартно. Перед советской философией была поставлена задача сделать дарвиновские принципы прогресса частью марксистской теории развития (диалектического материализма). При том что теория естественного отбора не имела прямых научных расхождений с философской картиной мира марксизма, дарвинизм оставался в ней «инородным телом». В статье исследуются обстоятельства и возможные причины этого.

Дарвиновские принципы служили теоретической основой евгеники (в 1920-е гг. – Н. К. Кольцов, Ю. А. Филипченко, А. С. Серебровский, в 1930-е гг. – Г. Дж. Меллер). В годы лысенковщины в учение Дарвина об эволюции («плоский эволюционизм») были внесены значительные изменения, в том числе с целью сделать его более органичной частью диалектического материализма. Философское обоснование «советского творческого дарвинизма» связано с именами таких философов, как И. И. Презент, Г. В. Платонов, М. Б. Митин, Э. Я. Кольман, А. А. Рубашевский. В угоду воззрениям Т. Д. Лысенко («закон жизни вида») оказались отвергнуты ключевые положения Дарвина о внутривидовой борьбе и градуальном (медленном и постепенном) характере прогрессивных изменений. В результате «лысенкоизации» дарвинизм (в 1940–1950-е гг.) превратился в концепцию, сочетающую в себе лженауку (наследование приобретенных признаков, скачкообразное видообразование) и натурфилософскую демагогию. В постлысенковский период (1960–1980-е гг.) интерес философии

* **Для цитирования:** Лапшин М. В. 2025. Дарвинизм в советской философии. *Эволюция: Грани эволюции* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 215–237. DOI: 10.30884/978-5-7057-6518-8_08.

For citation: Lapshin M. V. 2025. Darwinism in Soviet Philosophy. *Evolution: Edges of Evolution* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 215–237 (in Russian). DOI: 10.30884/978-5-7057-6518-8_08.

биологии сместился из области онтологии природы в сферы теории познания, методологии и этики науки. Марксистская философская антропология, обращавшаяся к вопросам антропогенеза (И. Т. Фролов, Н. П. Дубинин), рассматривала сущность человека как результат влияния трудовых и общественных отношений. С этой точки зрения ценность дарвинизма для понимания человека и глобальных вызовов человечества оказалась под сомнением и отошла на второй план.

Ключевые слова: дарвинизм, естественный отбор, эволюционная теория, диалектический материализм, советская философия, философия биологии, лысенкоизм, «мичуринская» философия, социобиология, человек.

Введение

Фигура Чарльза Дарвина и его учение пользовались особым уважением в России и СССР. Это связано и с традициями дореволюционного русского дарвинизма, и с поддержкой дарвиновского учения со стороны Маркса и Энгельса. Под дарвинизмом, учением Дарвина, теорией естественного отбора в разные годы понимались разные вещи. Соответственно, дарвинистами себя называли люди с разными убеждениями. В первые послереволюционные десятилетия философы пытались осмыслить классический (доменделевский) дарвинизм. В 1940–1950-х гг. под дарвинизмом понимался «советский творческий дарвинизм» академика Т. Д. Лысенко. Его противники, правда, себя считали дарвинистами, а его самого – нет. Впоследствии стала популярной идея о том, что дарвинизм «растворился» в синтетической теории эволюции и что этот термин потерял актуальность. Очевидно, это не так. Современные эволюционные биологи охотно называют себя дарвинистами, в том числе чтобы отмежеваться от сторонников «недарвиновской» эволюции. Если опереться на то общее, что объединяло сторонников Дарвина все прошедшее время, то дарвинизм можно обозначить как совокупность представлений о механизмах биологической эволюции, в которых ведущая роль отводится естественному отбору (Жуков 2020: 20). То есть дарвинизм = селекционизм. В другой интерпретации это концепция об эволюции через случайную изменчивость плюс неслучайный (дифференциальный) доступ к размножению.

Доминирующей философской доктриной на всем протяжении существования СССР был марксизм, в приложении к философии природы и науки – в форме диалектического материализма. Конечно, некоторые ученые и философы не были убежденными марксистами, то есть не пытались строить аргументацию с опорой на законы и принципы диалектики. Скорее, значительная часть мыслителей была стихийными материалистами или позитивистами. Тем не менее диалектический подход и обращение к философским вопросам науки всегда пользовались уважением. Советскими философами и философствующими естествоиспытателями предпринимались

попытки найти место теории Дарвина в марксистской философской картине мира. К теории естественного отбора обращались и при интерпретации природных процессов с точки зрения диалектики, и для раскрытия природной сущности человека, ее последующего совершенствования, и с целью обоснования политических идей. На наш взгляд, эти попытки не увенчались уверенным и решительным успехом: дарвинизм оставался неким «инородным телом» в стройной философской системе диалектических материалистов. Причины этого мы попытаемся отыскать по ходу статьи.

Дарвинизм с точки зрения основоположников марксизма

Философы в СССР обратили внимание на биологию практически сразу – в начале 1920-х гг. В это время Ч. Дарвин был непререкаемым авторитетом, фактически – знаменем материализма в естествознании. Для понимания масштаба напомним, что Дарвина и его исторической роли в развитии мировой науки посвящали статьи руководители государства Л. Д. Троцкий и Н. И. Бухарин. Самыми высокими оценками дарвинизм отмечен в речах и работах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Иначе и быть не могло, ведь, по К. Марксу, Дарвин, с одной стороны, покончил с телеологией в естественных науках, с другой – дал разумное объяснение феномену целесообразности в живой природе. После прочтения «Происхождения видов» К. Маркс в письме Ф. Энгельсу предложил считать теорию Дарвина «естественно-исторической основой наших взглядов». Энгельс же, по преданию, во время похорон Маркса в надгробной речи заявил, что тот стал для общественных наук тем, кем Дарвин стал для естественных.

Однако, наряду с достоинствами, Маркс и Энгельс открыто выражали несогласие со следующими положениями «Происхождения видов»:

1. *«Мальтузианство» и борьба за существование.* Крайне негативно была воспринята идея Дарвина – Мальтуса о том, что размножение без борьбы за существование приведет к неизбежной перенаселенности и истощению ресурсов и что поэтому именно борьба за существование (конкуренция) не только спасает природу от кровавого коллапса, но и является фактором прогресса. Этот момент в дарвиновской теории был отнесен к неоправданному перенесению ложной социэкономической теории на живую природу. Энгельс писал: «Совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу “Борьбы за существование”. Это значит ничего не сказать или и того меньше» (Энгельс 1941: 251).

2. *Градуализм* («Природа не делает скачков»). Прогресс через поступательное накопление мелких случайных изменений представлялся непохожим на закономерное диалектическое развитие, раскрытие законов диалектики. Вообще, Дарвина вменялась в вину неспособность раскрыть диа-

лектику противоречий в природе и ее созидательный потенциал. Энгельс писал: «Показать, что дарвинова теория является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью» (нереализованный проект главы «Диалектики природы», Энгельс 1941: 250).

3. Отказ от наследования приобретенных признаков. Хотя в поздних изданиях Ч. Дарвин и допускал возможность (нехотя), что изменения, произошедшие в онтогенезе, могут как-то влиять на потомство, ламарковские мотивы занимали в его теории ничтожное место. В переписке К. Маркс и Ф. Энгельс называли это обстоятельство слабым местом «Происхождения видов». Маркс упоминал (письмо от 7 августа 1866 г.), что прочитал книгу французского ученого-любителя Пьера Тремо «Происхождение и развитие человека и других существ» (1865). Идея о том, что «почва» (*читай – среда*) прямо влияет на природу организмов и видов, показалась Марксу настолько убедительной, что эту незамысловатую работу он назвал «прогрессом по сравнению с Дарвином». Со своей стороны, Энгельс прямо заявлял об убежденности в наследовании приобретенных признаков¹, а в очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» предложил теорию антропогенеза, в которой естественный отбор не упоминается. Фактически очерк имеет стихийно-ламаркистский характер.

Можно сказать, что ни Маркс, ни Энгельс на самом деле не приняли (или не поняли) идею о созидательной сущности естественного отбора. Их мировоззрение в сфере биологии во многом осталось в додарвиновской рациональности. В той же переписке Маркс указывал, что Дарвин в чем-то прав, но его теория является сырой, во многих аспектах неубедительна и в будущем должна быть исправлена новыми открытиями и принципами.

Что же тогда в теории Дарвина получило столь высокую оценку Маркса и Энгельса? Во-первых, это принцип историзма: «Происхождение видов» научно доказывает факт эволюции (развитие от простого к сложному) и естественную преемственность между видами (трансформизм). Во-вторых, развитие и прогресс Дарвином изучены материалистически, то есть теория эволюции помогает бороться с религией, идеализмом, телеологией, мистикой и т. п.

Собственно, на этом все. Другие идеи Дарвина получили статус дискуссионных или сомнительных.

¹ «Современное естествознание признает наследственность приобретенных свойств и этим расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род: теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытным доказательстве, то это является лишь результатом “накопленной наследственности”. Бушмену же или австралийскому негру вряд ли можно втолковать их посредством доказательства» (Энгельс 1941: 230).

Философия биологии до Лысенко

С этим базовым пониманием дарвинизма советские философы и ученые 1920-х гг. занялись разработкой диалектико-материалистической философии биологии. Здесь мы не будем подробно останавливаться на дискуссии «долысенковского» периода. Она хорошо раскрыта в книге Э. И. Колчинского «В поисках советского “союза” философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.)» (Колчинский 1999).

Основными темами обсуждений были вопросы о соотношении марксизма и дарвинизма, эволюции, генетики, недарвиновских концепций эволюции. Участники (философы и ученые) были единодушны в том, что благодаря внедрению диалектического материализма в биологию последнюю ждет ускоренное развитие и новые открытия. Впоследствии работы тех лет оказались практически невостребованными как при создании философии лысенковской биологии (1940–1950-е гг.), так и на этапе формирования «постмичуринской» философии и биологии.

В начале 1930-х гг. философская дискуссия по эволюционной теории была практически свернута. Причиной тому – резкая политизация всей науки, перед которой была поставлена задача искать «классовых врагов» в своих рядах и восхвалять курс партии и правительства. Любая содержательная философская концепция рисковала рано и поздно стать объектом критики, а автор обвинен в *идеализме, механицизме, извращении, абсолютизации, протаскивании* и т. п. Часть биологов, в том числе ранее участвовавших в философских дискуссиях (Я. М. Урановский, И. И. Агол, С. Г. Левит, М. Л. Левин, В. Н. Слепков, Э. С. Бауэр), попали под репрессии. Другие замолчали сами. На страницах печати появлялись концептуально стерильные тексты с разоблачениями, критикой оппонентов и клятвами верности материализму и политическому курсу.

Советская философия биологии формируется во что-то цельное в конце 1940-х гг., когда лысенкоизм стал официальной доктриной всех советских марксистов после печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Философы начали штудировать труды И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко, массово публиковать работы и на философском языке доказывать истинность нового учения. Тогда же возникает новое измерение статуса философа. Отныне каждый советский философ биологии – это прежде всего философ-чиновник, философ-политик, миссия которого – защитить советскую науку и советскую хозяйственную практику от клеветы и критики, доказать их философскую истинность. В 1940–1960-е гг. вся литература по философским вопросам биологии, вышедшая из-под пера штатных философов, была «мичуринской». Если сопротивление и имело место, то со стороны естественников.

Лысенкоизм и лысенковщина

Прежде чем перейти к разбору философии эпохи лысенковщины, целесообразно определить, что же представляло собой «учение Мичурина – Лысенко».

Термин *лысенковщина* используют для обозначения гонений на ученых, не «присягнувших» Т. Д. Лысенко. Лысенкоизм – система взглядов самого Лысенко и его сторонников, прежде всего ленинградского философа И. И. Презента – вероятного соавтора большинства текстов за подписью «народного академика». Термин *лысенкоизм* прижился в 1930–1940-е гг. и использовался критиками нового «учения» (в том числе за рубежом). Сами мичуринцы называли свою теорию *мичуринским учением*, *мичуринской² биологией*, *советским творческим дарвинизмом*.

Мы предлагаем разделить лысенкоизм на тематические направления, то есть контексты («нарративы»), которые, хотя и были взаимосвязаны, но при этом освещали разные идейные сферы:

1) *агроприемы*, изобретенные Лысенко, и соответствующая сельскохозяйственная практика;

2) *научная теория* Лысенко, базирующаяся на предполагаемом влиянии обмена веществ на наследственность;

3) натурфилософские обобщения, сформулированные в виде законов природы, вроде «закона жизни вида» (*законы*);

4) конспирологическая теория, согласно которой ученые капиталистических стран (и их «агенты» в СССР) умышленно насаждаютвейсманизм-морганизм и скрывают успехи мичуринской биологии, чтобы законсервировать капитализм и расизм, оправдать эксплуатацию пролетариата в интересах буржуазии, внушить массам идеологию генетического фатализма и оправдать евгенику (*политика*);

5) *философия* биологии на основе «творческого дарвинизма».

Многие тексты лысенкоистов состояли из всех этих тем вперемешку.

Вопрос *агроприемов* мало касается нашей темы – дарвинизма. Если вкратце затронуть науку от Лысенко, то она строилась как опровержение *хромосомной теории наследственности* – концепции существования дискретных материальных единиц, находящихся в хромосомах и строго определяющих наследственность. Согласно Лысенко, наследственность не сосредоточена в хромосомах, она является свойством всего организма, всех «крупинок» «живого тела». Так как жизнь организма больше всего зависит от обмена веществ (по Ф. Энгельсу³) и поступающей энергии, то и наследственность может изменяться вслед за изменениями в обмене веществ

² Далее мы слово «мичуринский» в значении «лысенкоистский» будем ставить в кавычки в знак понимания того, что И. В. Мичурин к лысенкоизму отношения не имел.

³ «Жизнь есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней средой...»

(«ассимилирующе-диссимиляционной деятельности организмов») и объемах энергии. Обмен веществ и снабжение растений⁴ энергией можно искусственно регулировать и таким образом управлять наследственностью как самого растения, так и его потомства. Для выведения новых сортов менять строение хромосом не нужно. Методикой такого управления (воспитанием) якобы овладел И. В. Мичурин, его дело продолжил Лысенко.

Что касается *политики*, то лысенкоизм и лысенковщина изначально возникли как политическое явление. Э. И. Колчинский полагал, что «феномен Лысенко» сначала был «PR-проектом» народного комиссара земледелия Я. А. Яковлева — одного из ключевых архитекторов коллективизации (Колчинский 2015). В начале 1930-х гг. вся аграрная наука и селекционная работа находились в руках научной интеллигенции с дореволюционным прошлым (во главе с Н. И. Вавиловым). Тогда же стало ясно, что расчет на чудодейственное воздействие коллективизации на эффективность сельского хозяйства не оправдался. Сталин был недоволен вкладом науки в дело обеспечения продовольственной безопасности. Чиновники от сельского хозяйства решили оказывать протекцию «пролетарской науке», альтернативной академической, чтобы в случае наступления ответственности за неудачи можно было свалить вину на одну из сторон. Поэтому статьи в газетах о малообразованном, но самобытном украинском агрономе, обещавшем повысить урожайность, попали на благодатную почву. Карьера Т. Д. Лысенко пошла вверх немислимыми даже для тех времен темпами, его агроприемы внедряли в сельское хозяйство без проверки, информация об их неэффективности блокировалась. Вавилов не мешал, очевидно, по приказу руководства. В 1935 г. Сталин прилюдно поддержал Лысенко («Браво, товарищ Лысенко, браво!»), что означало, что тот стал его личным протеже. Критика лысенкоизма стала опасным занятием. Яковлев погиб в лавине репрессий (как и Вавилов), а его «детище» ушло в свободное плавание.

Лысенко и примкнувший к нему Презент осознали, что их успех зиждется на политической целесообразности. Поэтому для достижения успеха в публикациях следовало меньше писать о науке (где фальсификации и ошибки будут на виду), а больше о политике (успехах колхозной практики, борьбе с классовыми врагами и буржуазной наукой) и философии.

И. В. Мичурин

Был создан культ И. В. Мичурина (1855–1935) как ученого, превзошедшего Дарвина. Считалось, что садовод исключительно с помощью практики, а не академической («кабинетной») науки проник в тайны изменчивости растений и вывел сотни сортов. Его эстафету подхватил Лысенко. Соот-

⁴ Лысенкоизм сформировался в то время, когда интересы Лысенко были сосредоточены на растениеводстве.

ветственно, истинность научной теории Лысенко якобы подтверждалась успехом практики Мичурина. «Мичуринская» биология с 1948 г. получила статус научно-философского учения и, хотя Мичурин не был дарвинистом, в философском словаре была обозначена как «высший этап в развитии материалистической дарвинистской науки о живой природе» (Рубашевский 1949).

Приход советской власти И. В. Мичурин встретил уже в преклонном возрасте (62 года). До революции он был известным владельцем питомника садовых растений в Тамбовской губернии⁵. Коллекция собранных им растений и выведенные им сорта были востребованы по всей России и за рубежом.

С приходом новой власти Мичурин активно поддержал дело социалистического строительства, поддержка оказалась взаимной. Его питомник был превращен в крупный центр по выведению плодовых растений⁶.

Мичурин в 1930-е гг. написал несколько открытых писем И. В. Сталину. В них сообщалось, что садовод заинтересовался диалектическим материализмом, в котором обнаружил совпадение со своими представлениями о превращениях в природе.

Что же представляли собой труды И. В. Мичурина до лысенкоистской переработки? Селекционер большую часть жизни описывал свою садоводческую практику в записках и комментариях, в которых делал теоретические обобщения. А. А. Любищев внимательно изучил научное наследие ученого. По его оценке, никакой цельной методологической системы в этих записках не прослеживается. Умозаключения Мичурина носят скорее метафорический, чем научный характер. Он не был ни дарвинистом, ни ламаркистом, ни менделистом. Вернее, при желании в его текстах можно найти фрагменты в пользу любой из этих концепций. Любищев писал: «Он был энтузиаст своего дела, искренний, честный, трудолюбивый, обладающий большой наблюдательностью и упорством в работе, самокритичностью и способностью решительно порывать с осознанными ошибками. Но по своему научному уровню он отстал от современной ему науки примерно лет на пятьдесят. Он не понимал всей трудности поставленных им задач, слишком легко регистрировал вовсе не окончательные успехи и слишком разбрасывался» (Любищев 2006: 213).

После разоблачения лысенковщины в 1960–1970-е гг. понадобилась просветительская кампания в печати, чтобы очистить репутацию Мичурина от ассоциаций с лженаукой. Ивану Петровичу воздали должное как талантливому селекционеру, однако речь о гении, превзошедшем Дарвина, уже не шла.

В пантеон «предтеч» Лысенко (после Дарвина и Мичурина) был введен дарвинист с мировым именем К. А. Тимирязев (1843–1920). Ему в «за-

⁵ Город Козлов, с 1932 г. – Мичуринск.

⁶ Сейчас – Всероссийский НИИ генетики и селекции плодовых растений им. И. В. Мичурина.

слугу» записывали критические замечания против раннего менделизма, который, как ему казалось, противопоставлял себя дарвинизму. Вместе с тем лысенкоисты сетовали, что Тимирязев до конца своих дней остался на позициях «плоского эволюционизма» Дарвина, продолжал верить во внутривидовую борьбу и отвергал наследование приобретенных признаков (Платонов 1952).

Законы Лысенко

Т. Д. Лысенко является автором ряда биологических «законов», наиболее известным из которых является *закон жизни вида*. Их особенностью можно назвать то, что академик не посвящал им научные исследования или обстоятельные рассуждения. Лысенко формулировал их как бы походя: они становились результатом скорее натурфилософского наития, чем выводились из наблюдения за природой.

Закон жизни вида связан с отказом от трех дарвиновских принципов: градуализма как условия прогрессивной эволюции, отсутствия четких границ между видом и разновидностями, а также внутривидовой борьбы за существование. Все они были объявлены ошибочными. Градуализм получил название «постпенющины», ему было противопоставлено диалектическое развитие через скачки.

Вместо внутривидовой борьбы предложен феномен *самоизреживания*:

Т. Д. Лысенко нашел, что особи одного вида представляют собой не атомизированные части его, а составляют как бы органы единого целого, между которыми не может быть ни борьбы, ни взаимопомощи, как не может быть ни борьбы, ни взаимопомощи между органами здорового организма. И если огромное количество особей гибнет в процессе своего развития, то не потому, что существует перенаселенность особей данного вида, а в результате борьбы этого вида с другими видами и неблагоприятными климатическими и другими физическими факторами среды. В природе имеет место не внутривидовая борьба за существование, а самоизреживание, являющееся одним из изумительных приспособлений органического мира (Платонов 1952: 138).

Вид стремится увеличиться в массе:

Суть закона жизни биологических видов раскрывается в направленности процессов жизни на увеличение массы живого, но не вообще живого, а на увеличение массы данного конкретного вида. Поэтому у нормального, не у патологического живого тела все его строение и состояние, все свойства и процессы, все многообразие потребностей в условиях жизни и разнообразие реагирования на воздействие не требуемых, чуждых ему условий внешней среды, — все это так или иначе направлено на увеличение массы данного конкретного биологического вида, хотя бы вместе с тем укорачива-

лась жизнь данного конкретного индивидуума или даже приводило бы его к смерти (Лысенко, Нуждин 1958: 31).

Источником эволюционного прогресса, по Лысенко, выступает не накопление модификаций в череде поколений, а «противоречие между новыми условиями среды, ассимилируемыми организмом, и его старой наследственностью, его старыми требованиями к окружающей среде» (Платонов 1959: 203).

Растениям и животным приписывалась способность за одно поколение «эволюционировать» в новые виды (пшеница – в рожь, пеночка – в кукушку).

Другие принципы Лысенко («Зигота не дура», «Брак по любви») наделили клетки растений и животных способностью предвидеть и выбирать оптимальные пути развития.

«Мичуринская» философия против Дарвина

В своем выступлении на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. И. И. Презент анонсировал, что советским философам «давно уже пришло время раскрыть философские глубины мичуринского учения» (О положении... 1948: 506).

Лысенкоистская философия создавалась как профессиональными философами (М. Б. Митин, Э. Я. Кольман, И. И. Презент, Г. В. Платонов, А. А. Рубашевский), так и естествоиспытателями (В. Н. Столетов, А. Н. Студитский [Митин 1950]).

Стоит сказать, что эти работы в большинстве своем с трудом можно назвать философскими исследованиями. Вместо научной новизны и оригинальности авторы парадоксальным образом с первых строк убеждали читателей, что ничего нового в их текстах не содержится. Все содержательное – раскрытие мыслей классиков марксизма и того, что было написано Мичуриным и Лысенко.

Помимо критики положений дарвинизма, отвергнутых Ф. Энгельсом и К. Марксом, философы подвели фундамент под идеи Лысенко, также зачастую шедшие вразрез с теорией Дарвина.

Из работы в работу повторялся тезис, что главным недостатком Ч. Дарвина было непонимание диалектики. Сообщалось, что его наивный (стихийный) материализм скрыл от него источник эволюции – природные противоречия и внутреннюю, спонтанную способность природы к прогрессу и развитию от низшего к высшему.

«МИЧУРИНСКАЯ» БИОЛОГИЯ =
ДАРВИНИЗМ + ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ +
ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Молодым философам в 1950-е гг., чтобы иметь возможность оставаться в профессии, печататься и защищать диссертации, также приходилось мимикрировать под «мичуринцев» (Фролов 1958; Карпинская 1959).

Критика плоского эволюционизма

И. И. Презент (1902–1969) – автор термина *плоский эволюционизм* (Презент, Халифман 1955). «Плоскость» эволюционизма Дарвина была отвергнута на том основании, что медленное накопление мелких модификаций не сочетается с диалектическими законами перехода количественных изменений в качественные, не подразумевает «скачков» – быстрых революционных изменений, кардинально меняющих сущность природного объекта. Дарвин, дескать, не вооруженный диалектикой, не мог понять, что источником изменчивости организмов является воздействие среды, а не случайные отклонения при зарождении потомков. Отсюда другой недочет Дарвина – отсутствие интереса к целенаправленной переделке видов.

Так как все организмы в силу «закона жизни вида» объединены солидарностью с интересами вида, между ними нет внутривидовой борьбы. Раз хромосомы не определяют наследственность, то нет и необходимости конкурировать за возможность передать их потомству. Вернее, внутривидовая борьба лишь определяет, какие организмы, лучше приспособившиеся в течение жизни («ассимилировавшие более благоприятные факторы»), выживут и оставят потомство, а какие погибнут из-за неспособности противостоять факторам среды или «самоизредятся».

Диалектический подход должен был ориентировать теорию изменчивости организмов на нахождение золотой середины между крайностями полной неизменности и бесконечной пластичности (Презент 1932: 14).

Борьба лысенкоистов с евгеникой

Красной нитью в работах философов прослеживается сюжет о том, что дарвинизм, соединенный с вейсманизмом (а не с мичуринским учением), неизбежно ведет мысль к антигуманным концепциям вроде евгеники, социал-дарвинизма, расизма, фашизма.

Наибольшему числу нападок подверглись Н. К. Кольцов (1872–1940) и Ю. А. Филипченко (1888–1930), которые стояли у истоков русской евгеники: основали Русское евгеническое общество (1920–1929) и выпускали «Русский евгенический журнал» (до 1930 г.). За время существования общества его члены опубликовали множество работ, содержание которых сейчас может показаться сомнительным с точки зрения этики.

Н. К. Кольцов, как и большинство современных ему евгенистов, разделял идею Ч. Дарвина (озвученную в «Происхождении человека» 1871 г.), что в эпоху цивилизации естественный отбор в человеческих сообществах прекратился. Из-за этого происходит накопление отрицательных черт и, как

результат, физическая и духовная деградация человечества. Он писал: «...с того момента, как прекратится подбор в человеческом обществе (если медицина устранит детскую смертность. – *М. Л.*), начнется быстрый и неуклонный процесс вырождения, так как с каждым поколением, с каждым годом будет увеличиваться число всяких уродов, глухонемых, слепых, идиотов, слабоумных, сумасшедших, не говоря уже о менее ярких формах жизненной неприспособленности... Раса, из эволюции которой будет устранен всякий подбор, погибнет в течение немногих поколений» (Кольцов 1924: 6–7). Самые умные, инициативные и талантливые люди, помимо того что размножаются хуже посредственностей, также гибнут первыми в войнах и катаклизмах. Отсюда необходима государственная программа по созданию условий для «улучшения породы человека» (Он же 1923). А так как талант, гений и другие желаемые качества – «сочетание ряда генов» (А. С. Серебровский), нужно добиться того, чтобы их обладатели имели репродуктивное преимущество перед остальными.

Н. К. Кольцов и Ю. А. Филипченко в поисках генетической природы талантливости и ума приходили к выводу, что эти наследственные качества аккумулированы в среде интеллигенции. Именно там (а не в бедных слоях), как предполагалось, действовал отбор, так как при принятии решения о вступлении в брак учитывались природные достоинства будущего партнера. В рамках мероприятий по облагораживанию человечества следует «улавливать» гены талантливости, то есть способствовать тому, чтобы обладатели лучших генов создавали между собою браки и обзаводились максимально большим числом детей.

Американский генетик Герман Мёллер (1980–1967), живший и работавший в СССР с 1933 по 1938 г., возлагал большие надежды на евгенику, особенно в странах победившего социализма. Свои чаяния по поводу «сознательного контроля над эволюцией человека» он изложил в книге «Выход из мрака» («Out of the Dark», 1936). По его мнению, именно в социалистическом, бесклассовом обществе, где все граждане имеют общие интересы (а не разные, как в капиталистическом), возможна реализация проекта по улучшению человеческого генофонда. Прежде всего, граждан необходимо убедить, что улучшить качество генов можно, только отказавшись от идеи о неотъемлемой связи между любовью (выбором брачного партнера) и наследственностью детей. Ведь если заставить людей заключать «евгенические браки», то родители будут несчастливы, будучи вынуждены жить с нелюбимыми супругами. Если же пустить дело выбора брачного партнера «на самотек» (как сейчас), тогда мы обречем будущие поколения на генетическую деградацию. Только генетика, как сообщалось, нашла возможность разделить эти два аспекта личной жизни и преодолеть вредный пережиток.

Правильным подбором генного материала (который бы брался у талантливых и здоровых людей) за столетие или два Мёллер надеялся довести умственные способности большинства людей до уровня Ленина, Маркса, Леонардо. Как сказано выше, такую важную задачу представлялось всего ценятся разум, честность, скромность, альтруизм, трудолюбие. Если еврею доверить капиталистам, то они будут развивать в людях то, что ценится в «их» обществе: индивидуализм, карьеризм, хитрость, беспринципную агрессивность, лицемерие. Мёллер верил, что сознательные женщины будут счастливы иметь детей с генами Ленина и Дарвина.

В 1936 г. Мёллер послал Сталину свою книгу и письмо с предложением рассмотреть его проект, ответа не последовало.

Публикации Кольцова и Филипченко были многократно раскритикованы Презентом и другими лысенковцами в утрированном и доведенном до абсурда виде еще в 1930-е гг.

Генетики были уличены Презентом в стремлении дискредитировать планы партии по созданию рабоче-крестьянской интеллигенции (как мы помним, евреями было поставлено под сомнение наличие достаточного количества генов ума у ранее угнетенных классов) (Презент 1932: 23).

Презент указывал, что воззрения генетиков-вейсманистов оправдывают буржуазный строй, эксплуатирующий простой народ. Задача советской философии – обнаружить «ту связь, которая существует между формальным генетическим пренебрежением к фенотипу и пренебрежительным отношением к жизни человеческих миллионов; раскрыть ту связь, которая существует между метафизическим учением современной буржуазной генетики о неизменности гена в течение сотен и тысяч лет, о независимости породы от условий жизни и бредовыми попытками человеководства» (Он же 1939: 153). Капиталисты же пытаются доказать, что, обрекая трудящихся на утрату здоровья на вредных производствах, они при этом не вредят здоровью будущих поколений. И нет смысла улучшать качество жизни работников – ведь это не скажется на наследственности.

Сыграло роль и то обстоятельство, что в 1930-е гг. в гитлеровской Германии идеи евгеники получили широкое распространение в биологии и медицине. При всей огромной разнице между гуманистической евгеникой Кольцова, Филипченко, Серебровского и теорией расовой гигиены ключевые понятия были те же: обладатели более ценных и менее ценных генов, угроза вырождения и т. п.

И хотя подавляющее большинство генетиков никогда не интересовались ни евгеникой, ни проблемами наследственности человека, были советскими патриотами и дисциплинированными строителями социалистического общества, обвинения в расизме и фашизме распространились на все учение Г. Менделя и генетику. Ассоциация «вейсманизм = евгеника = фашизм» внедрялась как устойчивое клише.

Природа – материал для переделки

В 1929 г. на конференции аграрников-марксистов И. В. Сталин выступил с докладом «К вопросам аграрной политики». В речи было обращено внимание на отставание теоретической науки от «успехов социалистического строительства». Таким образом, наука была поставлена ниже рангом, чем практика. Нетрудно было сделать вывод: если теория противоречит практике, тем хуже для теории. Лысенкоисты, не имевшие возможности отстаивать свои доводы на научном поле, получили в руки отличный козырь. Отныне неуважительное отношение к фундаментальной науке становится лейтмотивом в противостоянии лысенкоизма с оппонентами.

Высказывание И. В. Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача» стало методологическим лозунгом. Соответственно, наука была поделена на старую, ту, что описывает и ждет случайных милостей (мутаций), и новую, которая целенаправленно воспитывает и переделывает.

Как писал Презент, «мичуринское учение – качественно новый строй идей в биологии, система идей, построенная целиком на преобразовательном отношении к живой природе. Перефразируя известное изречение Маркса, можно сказать, что все эволюционисты, до Дарвина и А. Н. Северцова включительно, лишь объясняли историю живой природы; И. В. Мичурин же показал, как ее направленно преобразовывать» (Алексеев 1951: 37).

Сообщалось, что противникам «мичуринцев» мешает устаревшее представление о случайной, ненаправленной сущности изменчивости. Лысенко утверждал: «Живая природа представляется морганистам хаосом случайных разорванных явлений, вне необходимых связей и закономерностей. Кругом господствует случайность» (О положении... 1948: 520).

Общая характеристика «мичуринской» философии

Философия сыграла определенную роль в легитимации лысенковщины и искажении дарвинизма. Хотя сам Лысенко философских сочинений не публиковал, в его текстах всюду встречаются философские термины: идеализм, метафизика, механицизм. Учение Дарвина через натурфилософскую демагогию было превращено в смесь жоффруизма⁷ и ламаркизма⁸.

«Мичуринская» философия взаимодействовала с ключевыми нарративами лысенкоизма: *научной теорией*, *«законами»* и *политикой*.

«Плоский» эволюционизм Дарвина (градуализм и ненаправленность изменчивости) был философски разоблачен как метафизика. Лысенкоистское истолкование учения Дарвина с точки зрения диалектического материализма раскрывало «творческий» потенциал живой природы: изменчивость становилась «адекватной» условиям среды, нужные изменения че-

⁷ Концепция о прямом влиянии среды на наследственность живых организмов.

⁸ Концепция о наследовании потомками приобретенных при жизни родителя признаков.

рез обмен веществ «запоминаются» наследственностью и воспроизводятся в следующем поколении. Если организм «почувствует» необходимость резко изменить «видоспецифические характеристики», то в недрах его наследственности начнут формироваться «крупинки» организма нового вида. Так понималась реализация закона перехода количественных изменений в качественные (Презент, Халифман 1955).

Борьбе за существование как внутривидовой конкуренции также не нашлось места в «творческом» дарвинизме («Заяц зайца не ест. Он ест траву»). Живой природе приписывалась внутривидовая солидарность, в частности свойство получать информацию о перенаселенности и при необходимости совершать жертвенное самоубийство («самоизреживаться»). Так косвенно преодолевалось мальтузианство, раскритикованное классиками марксизма.

Лысенковщине также был присущ мессианский пафос: учение подавалось не просто как передовая научно-практическая теория, но и как оружие для борьбы с мировым капитализмом. Отсюда и незавидный статус ее противников. Из работы в работу повторялся тезис, что подлинное понимание учения Дарвина стало возможно именно в стране строящегося социализма, где наука служит интересам народного хозяйства, а не обслуживает частные интересы капитала.

Философия биологии после Лысенко (1960–1980-е гг.)

После разоблачения лысенковщины «мичуринское учение» пропало со страниц печати. Власти СССР постарались минимизировать репутационный ущерб: винить в лысенковщине было разрешено только самого Лысенко и его команду. Была установка: «Не нужно ворошить прошлое». Таким образом, причины уничтожения советской генетики (до конца 1940-х гг. – одной из лучших в мире), обстоятельства проникновения во власть лжеученых и шарлатанов, масштаб ущерба сельскому хозяйству и науке не исследовались в нашей стране вплоть до перестройки (Колчинский 2020). Вред лысенковщины не удалось устранить до конца советского времени (Шалимов 2023), а если смотреть глобально – до сих пор.

Подавляющее большинство «мичуринцев» либо стали сторонниками генетики, либо ушли в тень. Из философов лишь Г. В. Платонов стоял на своем и долгие годы практически в одиночестве публиковал откровенно лысенкоистские по содержанию философские работы (Лысенко в них, правда, был подвергнут критике).

Развитие философии и биологии в философских институтах пошло по пути признания авторитета Дарвина и менделевской генетики. *Научная теория* Лысенко была отвергнута. Но не так просто обстояло дело с «мичуринской» философией.

Постлысенковская философия биологии была включена в общую задачу советской философии: воспитывать интеллигенцию, разделяющую

мораль, планы и мировоззрение партии, идеологически оправдывать внутреннюю и внешнюю политику СССР, повышать международный престиж. Главной целью было сплотить народ под знаменем единой идеологии и таким образом с максимальной эффективностью использовать имеющиеся ресурсы для развития военной и экономической мощи (Колчинский 2014: 12). По-прежнему философ – это не мыслитель-одиночка, а представитель государства, ведущий борьбу с искажениями истины на философско-политическом фронте.

Новая философия биологии СССР с конца 1960-х гг. интегрируется в мировую философию, пафос неприязни ко всему несоветскому утихает. Возрождаются традиции и принципы научного демократизма, рациональной дискуссии, научно-философская новизна становится ценностью.

Дарвинизм в философии биологии позднего СССР

В эти годы (1960–1980-е гг.) пути дарвинизма и философии расходятся, чему есть несколько объяснений.

Во-первых, ученые-биологи за годы лысенковщины устали от опошляивания науки под эгидой философии, выработали что-то вроде антифилософского иммунитета, стали реже обращаться к философским вопросам. Другие естественники также воспользовались ситуацией и потребовали, чтобы философы перестали учить их, как изучать природу (Гинзбург 1968).

Во-вторых, онтология природы как жанр ушла в тень и стала восприниматься как отголосок натурфилософии. Эта тенденция имела место и в западных странах. Философски комментировать научные теории в стиле Энгельса стало немодным, и философы сосредоточились на вопросах эпистемологии (мышление, логика, методология и теория познания) и этики научной деятельности (Грэхэм 1991).

В-третьих, активное развитие получила философская антропология. Философия заинтересовалась *человеком*. Марксизм в оппозиции «природа – среда» традиционно ставил факторы среды и воспитания на приоритетное место. Природа (гены, инстинкты, физиология) должна была играть роль материала, который в ходе человеческой истории изменялся под влиянием развития социальных факторов.

На этом этапе со всей отчетливостью стала понятна концептуальная несовместимость марксизма (диалектического материализма) и дарвинизма. Да, примитивный ламаркизм лысенкоизма был отброшен, философы работали с передовым эволюционным знанием: генетикой, молекулярной биологией, биохимией, популяционной генетикой, растущим корпусом доказательств естественного отбора; имени Дарвина воздавались дежурные почести. Однако для решения задач, стоящих перед советской философией, дарвинизм оказался в целом не нужен. Обращение к онтологическим аспектам эволюции стало редкостью (Мозелов 1983).

При этом отечественная эволюционная биология после Лысенко быстро возродилась и продолжила развиваться по мировым стандартам синтетической теории эволюции, то есть современного ей дарвинизма (Микулинский, Полянский 1983). Однако из дарвинизма стала пропадать философская терминология, а из философии – отсылки к дарвинизму.

В вопросе о природе человека марксистская философия и дарвинизм как будто имеют разнонаправленную логику, «подпитываются» разной рациональностью и причинностью. Если человек в марксистской картине мира в ходе истории становится таким, какой есть, в силу изменения социально-экономических отношений (эволюция «сверху»), тогда все люди должны иметь что-то общее, сущность, которая закономерно изменяется, отражая смену факторов социальной среды. Эта общая сущность – залог закономерного развития и прогресса. Достижение гармоничного баланса между сущностью человека (с его потребностями, интересами и возможностями) и условиями справедливо обустроенного общества и есть задача политических преобразований на пути к коммунизму. В хорошем обществе люди хорошие (умные, добрые, трудолюбивые), в плохом – плохие.

Дарвинизм же делает акцент на том, что двигатель прогресса – отбор индивидов на основе разных врожденных качеств (эволюция «снизу»). Причина прогресса – различие и отсутствие сущности. Если индивиды от природы примерно равны (например, ум определяется не генами, а средой), тогда отбору не за что зацепиться и прогресс невозможен.

Л. Грэхэм исследовал науку и философию в СССР и проследил, как на всем пути их развития в общественных науках, психологии, педагогике, философии подчеркивалась ведущая роль воспитания и второстепенная роль природных задатков и наследственных ограничений (Грэхэм 1991). Этот подход озвучивался даже в программных документах КПСС как «истина, не подлежащая пересмотру, проблема, решенная давно и однозначно». К. У. Черненко сообщал на Пленуме ЦК КПСС 1983 г.: «Вряд ли можно признать научными концепции, которые объясняют такие, например, качества человека, как честность, смелость, порядочность, наличием “положительных” генов и фактически отрицают, что эти качества формируются социальной средой» (Материалы... 1983: 34).

Собственно, в этом и состояла идея советского гуманизма – создать благоприятные условия для развития личности, и тогда социальные пороки, унаследованные от дореволюционного строя (пьянство, тунеядство, преступность), уйдут в прошлое сами собой.

Эта «социологизаторская» («инвайронменталистская»⁹) парадигма общественных наук в СССР, разумеется, не была унаследована от лысенкоизма. Ни Лысенко, ни Презент ничего не писали ни об эволюции людей, ни о планах по созданию «нового советского человека» (в чем их пытаются ули-

⁹ *Environmentalism* – от *environment* – окружающая среда.

чить: Bardziński 2013). Она была общепринятой в международной послевоенной общественно-политической дискуссии. Заявление ЮНЕСКО по вопросам расовой принадлежности (1952) прямо осуждало исследования психологических различий между людьми разных рас. В 1973 г. научное сообщество США подписало Резолюцию против расизма¹⁰, в которой все люди объявлялись обладателями равных умственных способностей, а исследования IQ – антинаучной практикой. Севильское заявление о насилии, написанное по итогам международной конференции по вопросам мозга и агрессии и утвержденное ЮНЕСКО в 1989 г., декларировало, что ученые отвергают концепции, согласно которым насилие, агрессия, преступность, склонность к развязыванию войн являются врожденными качествами людей.

Вера в социальную сущность человека на Западе стала причиной скандалов и недоверия, на фоне которых в США и Великобритании в 1960–1980-е гг. прокладывали себе дорогу дарвиновские эволюционные концепции, развивающие математические подходы У. Гамильтона и Р. Фишера (кин-отбор, эволюционно-стабильная стратегия, геноцентричный взгляд на эволюцию), обобщенно названные *социобиологией*¹¹. При том что в большинстве работ социобиологов тема эволюции и поведения человека не затрагивалась, на их основе нетрудно было сделать вывод, что любая прогрессивная эволюция происходит через дарвиновский отбор и эволюция человека – не исключение (Segerstrale 2000).

Против редукционизма и биологизаторства. Мертвая рука Лысенко

Необходимо признать, что философия биологии после Лысенко первое время строилась во многом по принципам, установившимся в эпоху правления «народного академика». Мы ни в коем случае не желаем уличить философов в увлечении лженаукой. Просто к моменту падения Лысенко философские дискуссии разворачивались по ряду устоявшихся направлений; задачи, стоявшие перед философией, успешно решались. Поэтому было необязательно разрушать ранее созданное и начинать все заново. Достаточно было внести коррективы в естественно-научную картину мира, философские же идеи удачно вписывались в новый контекст.

Покажем это на примере работ И. Т. Фролова (1929–1999) – главного специалиста в сфере философских вопросов биологии.

Академик Фролов – представитель философии, достигший, пожалуй, наибольшего влияния в истории нашей страны после В. И. Ленина. Па-

¹⁰ Опубликована в газете The New York Times.

¹¹ Термин не в полной мере удачный. Э. О. Уилсон (автор книги «Социобиология. Новый синтез», 1975), с которого началась критика социобиологии, не был единомышленником У. Д. Гамильтона и Дж. Мэйнарда Смита в области математики, не принял геноцентричный взгляд на эволюцию Дж. Уильямса.

раллельно с научной он сделал и политическую карьеру: в годы позднего СССР стал членом Политбюро ЦК КПСС, был помощником М. С. Горбачева.

В конце 1950-х гг. молодой И. Т. Фролов работал в журнале «Вопросы философии», где в редколлегии за биологию отвечали идеологи лысенкоизма (М. Б. Митин, В. Н. Столетов). В 1959 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Детерминизм и телеология (О философской интерпретации проблемы органической целесообразности)», подготовленную под руководством лысенковского философа-«дарвиниста» Г. В. Платонова¹² (Фролов 1958). В диссертации развивается концепция *органического (диалектико-материалистического) детерминизма*. Сочетание статистического подхода к изменчивости (открытого Ч. Дарвином), принципа историзма и диалектической философии при исследовании живой природы позволяет предложить концепцию, которая способна «снимать» односторонности механицизма и телеологизма, раскрыть диалектику внешнего и внутреннего, случайности и необходимости. Органический детерминизм, с одной стороны, противостоит пониманию причинности «ультраселекционистов» (сторонников формальной генетики), которые абсолютизируют случайность, в частности постулируют непредсказуемость мутаций и уповают на математическую статистику. С другой стороны, он преодолевает ограниченность концепций, абсолютизирующих необходимость: телеологизм, витализм, механический детерминизм. Органический детерминизм занимает золотую середину между этими философскими крайностями, и его воплощением в науке является «мичуринская» биология.

Нет нужды пояснять, что лысенкоистские мотивы в ранних трудах И. Т. Фролова и ряда других молодых философов появлялись «под принуждением», а не в силу личных убеждений (Фролов 1996). Публиковать что-либо в области биологии без «дани уважения» народному академику в 1950-е гг. могли только маститые ученые, находившиеся под академической защитой (Н. П. Дубинин, Н. Н. Семенов, А. Л. Тахтаджян).

После 1962 г. «мичуринская» биология из работ И. Т. Фролова пропадает. В 1968 г. он публикует книгу «Генетика и диалектика» (Фролов 1968), что знаменует собой начало «здорового» периода философии биологии в СССР. Лысенкоизм в ней отнесен к числу заблуждений. От концепции органического детерминизма автор не отходит, она по-прежнему ключевой элемент его философии и, как предполагается, позволяет преодолевать крайности разных односторонних концепций. Только теперь органический детерминизм воплощается не в «мичуринском» учении, а в марксистском взгляде на природу наследственности и эволюции.

Впоследствии интересы И. Т. Фролова сместились в сферы экологии, гуманизма, этики науки и политики, а также природы человека. Вообще, категории *человек*, *человечество* стали одними из ключевых в философии

¹² Автор книги «Дарвин, дарвинизм и философия» (Платонов 1959).

биологии. Акцент был сделан на поиске общих черт, объединяющего начала между людьми.

Философско-антропологические взгляды резюмированы в его книге «Перспективы человека» (1979). Никакого значимого обращения к дарвинизму при рассмотрении происхождения человека и его современной природы не просматривается. Позиция вполне четкая: «Марксистско-ленинская методология определяет доминирующее значение социальных методов исследования человека, выступая тем самым против биологизаторских тенденций, имеющих следствием неоправданную научно редукцию, сведение сущностных свойств человека в их биосоциальной целостности к отдельным сторонам его как живого, предметного, чувственного существа» (Фролов 1979: 59). Все «дарвинизаторы» сущности человека – К. Лоренц, Ж. Моно, В. П. Эфроимсон, Р. Докинз – подвергнуты резкой критике за редукционизм и биологизацию.

К беспощадной критике «биологизаторства» присоединились и другие крупные специалисты в области философии биологии (Карпинская, Никольский 1988).

К теме природы человека обращался также академик Н. П. Дубинин (1906–1998). Во времена лысенковщины он публиковал смелые антилысенковские статьи, одним из первых начал возрождение генетики. Дубинин был генетиком, однако активно участвовал в обсуждении философских вопросов естествознания. В 1983 г. вышла его книга «Что такое человек», на страницах которой борьба с биологизаторством и редукционизмом приняла радикальные формы. Дубинин отрицает какую бы то ни было значимость биологического в человеке: «...нет и не может быть такой науки, как генетика социально обусловленного поведения человека, поскольку последнее не является предметом биологии. Такие феномены, как сознание, мышление, целенаправленный труд, совесть, нравственность, мораль, эстетическое чувство, осознание собственного “Я” и будущего человечества, творчество и т. п., не подвластны биологическим законам» (Дубинин 1983: 32). Генетик Н. П. Дубинин был убежден, что генов, отвечающих за социальное поведение и психологию, не существует. Если И. Т. Фролов оставлял в стороне вопрос о движущих силах эволюции человека, то Дубинин бросает вызов Дарвину: «Эта теория эволюции (естественный отбор. – *М. Л.*) позволяет объяснить грандиозный прогресс жизни на Земле. Однако ни происхождение жизни, ни происхождение человека с позиций дарвиновской теории эволюции объяснить нельзя. Чтобы понять суть процесса появления человека, необходимо новое знание, выходящее за границы классического дарвинизма и современной генетической теории, более того, предполагающее выход за пределы биологической формы движения материи в социальную. Очевидно, что, основываясь на знании закономерностей только биологии, мы не можем понять происхождение человека как качественно нового явления» (Там же: 105).

Советская философия биологии позднего периода сосредоточила внимание на методологии научной деятельности, гуманитарных вопросах научно-технического прогресса, экологии, биоэтике. При этом можно сказать, что не было проявлено интереса к возрождению дарвинизма в науках о поведении и эволюционной биологии на Западе (адапционизму, ультрадарвинизму), впоследствии приведшему к современной парадигме эволюционной психологии, психогенетики и эволюционной антропологии. Также остался без внимания оппонирующий ультрадарвинизму и влиятельный в западной философии эволюционный плюрализм с его критикой адапционизма (С. Дж. Гулд, Р. Левонтин)¹³.

Несмотря на прочный дарвинистский фундамент эволюционной биологии в СССР, в 1970–1980-е гг. ряд биологов начали публиковать свои версии «недарвиновской» эволюции (С. В. Мейен, Ю. В. Чайковский, В. А. Кордюм). В кругах научной и философской интеллигенции «антидарвинисты» приобрели романтический ореол диссидентства и получили свою долю внимания.

Заключение

При упоминании дарвинизма в философском контексте обычно вспоминаются направления политической мысли: евгеника, социал-дарвинизм и т. д. Также принято считать, что Ч. Дарвин оказал определенное влияние на философию своего времени. Но это влияние имело скорее очистительный характер: были подорваны позиции наивных эссенциализма, телеологизма, антропоцентризма, детерминизма, эмпиризма. Все это философские предрассудки, из-за которых многие ученые долгое время не могли понять теорию Дарвина. Поэтому философ Д. Деннет убежден, что дарвиновская революция не только (не столько) научная, но и философская. И если в науках о жизни дарвинизм победно шествует и торжествует, то в других сферах дарвиновский переворот еще ждет своего часа (Деннет 2020). Советская философия пыталась раскрыть эвристически-созидательный потенциал дарвинизма. Диалектический материализм как основной метод не смог стать решающим средством, чтобы вывести философское понимание дарвинизма на принципиально новый уровень. Не достигли уверенного успеха и иностранные марксисты (Levins, Levontin 1985). В рамках статьи мы обращались в первую очередь к творчеству профессиональных философов. Однако философским аспектам эволюционной теории, генетики, общебиологических проблем посвящены работы ведущих советских ученых: Н. И. Вавилова, Д. П. Филатова, В. А. Энгельгардта, В. П. Эфроимсона, Н. Н. Моисеева. Их философии следует посвятить отдельное исследование.

¹³ Любопытно, что противников дарвиновских подходов к психике и поведению человека в Америке в 1970-х гг. обвиняли в лысенкоизме и лысенковских методах зажимания научной свободы (Segerstrale 2000: 227).

Библиография

- Алексеев В. А. (Сост.). 1951. *Дарвинизм. Хрестоматия*: учеб. пособие для вузов. Т. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гинзбург В. Л. 1968. *Как устроена Вселенная и как она развивается во времени*. М.: Знание.
- Грэхэм Л. Р. 1991. *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. М.: Политиздат.
- Деннет Д. 2020. *Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни*. М.: НЛО.
- Дубинин Н. П. 1983. *Что такое человек*. М.: Мысль.
- Жуков Б. Б. 2020. *Дарвинизм в XXI веке*. М.: АСТ, Corpus.
- Карпинская Р. С. 1959. В. И. Ленин о естественно-историческом материализме. В. И. Ленин и некоторые вопросы теории познания (К 50-летию книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм») / Ред. В. И. Фомин, с. 180–198. Горький: Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского.
- Карпинская Р. С., Никольский С. А. 1988. *Социобиология: Критический анализ*. М.: Мысль.
- Колчинский Э. И. 1999. *В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.)*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Колчинский Э. И. 2014. *Так вспоминается...* СПб.: Нестор-История.
- Колчинский Э. И. 2015. Т. Д. Лысенко как проект наркомзема Я. А. Яковлева. *Историко-биологические исследования* 7(2): 81–96.
- Колчинский Э. И. 2020. Несостоявшееся возрождение: некоторые итоги развития отечественной эволюционной теории во второй половине XX века. *Управление наукой: теория и практика* 2(1): 117–151.
- Кольцов Н. К. 1923. *Улучшение человеческой породы*. Петроград: Время.
- Кольцов Н. К. 1924. Влияние культуры на подбор в человечестве. *Русский евгенический журнал* 1: 3–19.
- Лысенко Т. Д., Нуждин Н. И. 1958. *За материализм в биологии: по материалам публичных выступлений в Центр. лектории о-ва в Москве*. М.: Знание.
- Любищев А. А. 2006. *О монополии Т. Д. Лысенко в биологии*. М.: Памятники исторической мысли.
- Материалы Пленума ЦК КПСС, 14–15 июня 1983 г. 1983. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Микулинский С. Р., Полянский Ю. И. (Отв. ред.) 1983. *Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.)*. Л.: Наука.
- Митин М. Б. (Ред.) 1950. *Против реакционного менделизма-морганизма*: сб. статей. М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР.
- Мозелов А. П. 1983. *Философские проблемы теории естественного отбора*. Л.: Наука.
- О положении в биологической науке: Стенографический отчет Сессии Всесоюз. акад. с.-х. наук им. В. И. Ленина 31 июля – 7 авг. 1948. М.: Сельхозгиз.

- Платонов Г. В. 1952. *Мировоззрение К. А. Тимирязева*. М.: Изд-во АН СССР.
- Платонов Г. В. 1959. *Дарвин, дарвинизм и философия*. М.: Госполитиздат.
- Презент И. И. 1932. *Классовая борьба на естественнонаучном фронте: Обработанная стенограмма доклада на Кон-ции педагогов-естественников г. Ленинграда*. М.; Л.: Огиз.
- Презент И. И. 1939. О лженаучных воззрениях проф. Н. К. Кольцова. *Под знаменем марксизма* 5: 146–153.
- Презент И. И., Халифман И. А. 1955. Некоторые вопросы теории биологического вида и видообразования. *Вопросы философии* 5: 157–168.
- Рубашевский А. А. 1949. *Философское значение теоретического наследства И. В. Мичурина*. М.: Госполитиздат.
- Фролов И. Т. 1958. *Детерминизм и телеология (О философской интерпретации проблемы органической целесообразности)*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Ин-т философии АН СССР.
- Фролов И. Т. 1968. *Генетика и диалектика*. М.: Наука.
- Фролов И. Т. 1979. *Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения*. М.: Политиздат.
- Фролов И. Т. 1996. Р. С. Карпинская и формирование отечественной школы философии биологии. *Философия биологии: вчера, сегодня, завтра. Памяти Регины Семеновны Карпинской* / Ред. И. К. Лисеев, с. 37–41. М.: Ин-т философии РАН.
- Шалимов С. В. 2023. *«Преодолеть отставание». Отечественная генетика в 1960–1980-е гг.* М.: Янус-К.
- Энгельс Ф. 1941. *Диалектика природы*. М.: Госполитиздат.
- Bardziński F. 2013. The Concept of the “New Soviet Man” as a Eugenic Project: Eugenics in Soviet Russia after World War II. *Ethics in Progress* 4(1): 57–81.
- Levins R., Lewontin R. 1985. *The Dialectical Biologist*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Segerstrale U. 2000. *Defenders of the Truth: The Battle for Science in the Sociobiology Debate and Beyond*. Oxford; New York: Oxford University Press.